

НЕУТОМИМЫЙ МАЭСТРО

19 декабря исполнилось 70 лет Эдуарду ГРАЧУ.

Одно только перечисление почетных званий знаменитого скрипача занимает половину страницы.

Народный артист СССР. Кавалер ордена "За заслуги перед Отечеством IV степени".

Лауреат международных конкурсов в Будапеште, Париже и Москве. Профессор Московской консерватории. Солист Московской филармонии, член Художественной коллегии. Основатель, художественный руководитель и дирижер Камерного оркестра «Московия». Президент, художественный руководитель и председатель

юрии Международного конкурса скрипачей им. А.И. Ямпольского.

Академик Итальянской академии Монти Адзурри. Почетный профессор Шанхайской консерватории.

Лауреат газеты «Музыкальное обозрение»: «Педагог года» (1995).

В декабре 2000 — январе 2001 в Москве проходит фестиваль, посвященный юбилею Э. Грача.

В такое напряженное время Эдуард Давидович сумел встретиться с корреспондентом «МО».

Мы беседовали дома у музыканта накануне юбилейных торжеств.

Во время интервью беспрерывно звонил телефон, и параллельно Э. Грач умудрялся решать множество организационных и творческих вопросов.

— Эдуард Давидович, у Вас — множество сфер приложения своих сил. Как вы ощущаете себя в различных ипостасях: скрипач, педагог, дирижер, альтист? Трудно это совмещать?

— Одно дополняет другое. Я скрипач, прежде всего. Часто задают вопрос, кем бы я был, если бы начал жизнь сначала. Я всегда отвечаю: «Скрипачом». Иначе себя и не представляю. А все, чем занимаюсь, тесно связано.

Мне сейчас, конечно, сложно — в связи с тем, что у меня в консерватории и ЦМШ — огромный класс, 20 человек. Времени просто не хватает. Ведь, помимо занятий со студентами, еще есть и оркестр (репетиции, концерты, поездки — а их у нас немало), и два традиционных абонемента в Большом и Малом залах консерватории («Играет и дирижирует Эдуард Грач» и «Эдуард Грач и его ученики»), и, собственно, мои гастроли. Например, в ноябре в Лондоне я играл Концертную симфонию Моцарта, партию альта. Значит, все-таки что-то успевают.

В 2001 году намечается мастер-классы в США, Корее, Израиле, Германии, Франции; я приглашен членом жюри в Клостер-Шонталь, на конкурсы им. Паганини в Геную и им. Венявского в Познани.

— Опишите свою среднестатистическую неделю.

— Самое характерное — отсутствие выходных дней. Поэтому с них и начну. В субботу у меня с 10 часов утра — класс в консерватории. Уроки плавно переходят в репетицию «Московии» в два часа. А в воскресенье и в праздничные дни, когда консерватория закрыта, специально сообщают вахтеру, что весь день в 21-м классе будет репетировать Грач.

Также у меня занятия в консерватории в понедельник, среду и четверг. Единственные «свободные» от студентов дни — вторник и пятница. Но именно тогда проходят зачетные вечера или заседание Ученого совета, членом которого я являюсь. Помимо этого, нужно решать и множество организационных проблем. В общем, ни одного свободного дня нет, практически не удается отдохнуть.

И это уже не говоря о разнице во времени, когда я приезжаю с гастролями. Недавно были гастроли в Англии: три часа «минус»; сутки — в Москве; и сразу — Китай, где пять часов «плюс». Итого — восемь часов. Сейчас мы разговариваем, а я вообще не понимаю, в каком времени живу, день и ночь поменялись местами. Проснулся в три часа ночи, спать не могу, все колеблюсь по квартире. Составляю программы следующих концертов. А в 10 утра — репетиция. И надо, слушая студентов, случайно не заснуть [смеется]. Кстати: этого я вообще не понимаю, как можно заснуть во время музыки, и уж тем более, когда играет твой ученик! Это невозможно!

— Какие Вы можете дать советы педагогам музыкальных школ, училищ?

— Методические рекомендации очень трудно давать, потому что у нас занятия индивидуальные. Невозможно всех вести по одному пути, у всех учеников разные возможности и способности. Педагог должен быть заинтересованным и пытливым.

— Как к Вам попасть в класс? Какими качествами должен обладать молодой музыкант, чтобы Вы его взяли? И как претенденты Вас находят?

— Они меня все время находят и, в конце концов, «достают». Просят очень многие, специально приезжают из разных городов — из Нерюнгри, Казани... Некоторые занимаются у моих ассистентов. Сейчас в консерватории у меня двое ассистентов: одна из моих первых учениц Ариадна Анчевская (уже в течение нескольких лет), а с этого учебного года — и Татьяна Беркуль, педагог ЦМШ им. Гнесиных. Свой класс в ЦМШ имеет и моя ученица Оксана Мамонова.

Кстати, в Московской консерватории я являюсь штатным совместителем, т.е. работаю на полставки, и мне полагается иметь четырех студентов. Но как я остальных брошу?

Наша страна изменилась, но законы остались прежними: я не могу равнозначно работать в двух учреждениях. Мое основное место работы — солист Московской филармонии. Я не собираюсь уходить из этой организации, я ее люблю. Я думаю, нужно быть гибче: ничего не случится, если я буду и штатным профессором Московской консерватории. Это, вообще-то, логично. И ведь так работаю не только я — примеров подобного «совместительства» достаточно.

Есть и другие сложности. Даже не хочу говорить о смене воротной зарплаты профессора в главном музыкальном вузе России, это стало просто притчей во язычах. Когда меня за границей спрашивают, сколько я получаю как преподаватель консерватории, я ухожу от ответа: стыдно говорить.

А что касается вопроса, кого я могу взять в класс, — я должен видеть перспективу. Первое, что чувствуется, — наличие одаренности. У меня было много случаев, когда в силу ряда причин некоторые скрипачи с трудом сдавали вступительные экзамены в Московскую консерваторию, а потом шли как лидеры своих курсов. Поэтому надо обладать интуицией: где «материал» интересный, а где — не соответствующий уровню МГК. Хотя я не жесткий человек, но иногда приходится говорить, что вам лучше поступать в другое высшее учебное заведение (благо только в Москве их сейчас пруд пруди). Где же для них набрать такое количество талантов?

Недавно в Китае я слышал великолепных ребят. Там сейчас просто скрипичный бум. Мне играли 26 скрипачей (13 из училища и 13 из консерватории), а также шестеро — непрофессионального обучения, которые занимаются в обычной школе, урок скрипки у них называется «внештатный час». Всего 32 скрипача. Один другого лучше! Некоторые из них хотят приехать к нам в Россию, но такие большие деньги, которые берут в наших учебных заведениях с иностранцев и представителей СНГ, есть далеко не у каждого.

И такая замечательная китайская скрипачка, как Пан И Чун — с моей точки зрения, безусловный лидер на прошлом Конкурсе им. Чайковского, — пострадала. Она уехала в Германию, потому что у нее не было семи тысяч долларов — платы за год обучения в Московской консерватории. Сейчас вместо того, чтобы играть, она учит немецкий язык, и — ей переставляют правую руку!!! Это ей, уникальной, талантливой скрипачке, настоящей артистке! Когда мне об этом рассказали, у меня волосы дыбом встали.

— Есть ли у Вас в классе обязательные произведения, которые проходит каждый студент?

— Наверное, есть. Мне как-то сказали: «Как же у вас можно учиться и не сыграть Фантазию «Фауст» Венявского или, например, поэму Шоссона?». Действительно, я очень люблю эти произведения и часто их прохожу в классе. Но это не значит, что все играют одно и то же. А строго обязательно, без исключений, каждый учебный год должны быть сыграны одна соната или партита Баха (минимум!), капризы Паганини, Венявского и, конечно, гаммы. Это — школа, без которой невозможно стать настоящим скрипачом.

— Что такое школа, на Ваш взгляд? Существуют ли «именные» школы?

— Я вообще не очень большой сторонник делить на «именные» школы: Ямпольского, Цейтлина, Ойстраха, петербургскую... Первым великим педагогом России начала века был Леопольд Ауэр. И замечательные российские профессора продолжили его дело.

Естественно, каждый великий педагог (особенно такой, как Ямпольский, которого я считаю основоположником советской скрипичной школы) вносит много нового. И мы имеем право говорить, что школа Ямпольского существует.

Чем она характерна? Прежде всего, звучанием. Абрам Ильич очень верно говорил: не «звук» (это слишком неопределенно), а «тон». Чувствуете фразу: «У этого скрипача такой тон!»? И все его ученики обладали великолепным тоном. Более того, Ямпольский не заставлял всех играть «под одну гребенку», давал нам свободу, умел сохранить индивидуальность каждого и развивал сильные черты в своих учениках.

Например, я в детстве и юности не страдал отсутствием темперамента (надеюсь, и сейчас тоже). И вот я играл Абраму Ильичу «Этюд в форме вальса» Сен-Санса — Изай перед дипломом в ЦМШ. В кульминации он мне говорит: «Мало». — Я прибавил. — «Мало, мало!». Закончилось тем, что я смычком врезался в лампу (так активно сыграли). — «Вот теперь хорошо».

Вообще по поводу школ. Ауэр увез своих лучших учеников за границу — таких, как Хейфец, Эльман, Цимбалист и многих других. И русская школа распространилась по миру. Я считаю, что существует единая скрипичная школа, которая в XXI веке будет только развиваться. Конечно, где-то что-то играют по-другому: например, немцы ревностно относятся к исполнению великого Баха. Но нас объединяет верная тенденция играть Баха по уртексу.

Безусловно, найдутся противники того, что я сейчас скажу. Речь — об аутентичном исполнении. На мой взгляд, в этом стиле много положительного, но не меньше и отрицательного. Хорошо, что используется уртекс, присутствует импровизационность в исполнении того же Баха. Но и упрощать не стоит. В конце концов, сейчас играть так, как во времена Баха (даже если совершенно точно знать, как это именно было), вряд ли нужно — ведь прошло столько времени! Скрипичное искусство, уровень владения инструментом необычайно выросли за четыре столетия.

Я не хотел бы обижать талантливых людей, играющих в аутентичной манере, — это их убеждение. Но мне не хватает в их исполнении, в первую очередь, технологического мастерства, которого мы добились сейчас, на стыке тысячелетий. Конечно, мне играли в таком стиле на мастер-классах, и я не высказывал никаких сомнений. Но, говорю откровенно, мне это не близко.

— На Ваших концертах и выступлениях «Московии» огромное количество публики. Вы для себя как-то объясняете этот феномен?

— Давайте сплюнем. Человеку, который чем-то очень доволен, трудно что-либо себе объяснять. Я счастлив, когда на наших концертах, как сейчас говорят, «лом». Это — свидетельство того, что оркестр нравится. «Московия» — особый оркестр: не думаю, что можно найти коллектив, где практически все скрипачи — лауреаты международных конкурсов, где играют пять солистов Московской филармонии. И мас-

терство нашего оркестра достаточно высокое (нескромно так говорить, но я отвечаю на ваш вопрос). Более того, я стараюсь, чтобы публике наши концерты доставляли удовольствие и в смысле подбора программ. Поэтому репертуар нашего оркестра большой и разнообразный...

Не последнюю роль играет и внешний вид оркестра. Я считаю, у нас играют красавки, и играют прекрасно. К тому же все — молодые люди, до 30 лет. Вот все в комплексе, думаю, и привлекает слушателей. Я бы хотел только не сглазить, чтобы так было и в дальнейшем.

— Вы упоминали о своем темпераменте. Что вас может заслать?

— Неверность учеников. Непреданность. Больше всего. Такое, к сожалению, случается. И это для меня больно, потому что все они — мои дети, я делаю для них все, что возможно, чтобы хоть как-то облегчить им и без того сложную жизнь.

Кроме того, меня бесит, если они мало занимаются, плохо себя ведут на репетициях, если вдруг по каким-то причинам у них затормозился творческий рост (нередко на это влияет окружение). Наверное, я слишком много нервов на все это трачу. Но легко говорить, что надо себя беречь, а как это сделать?

— А что Вас, наоборот, радует?

— Состояние после удачного концерта. Мы с Валей полночи смотрим запись этого концерта, все обсуждаем. Радость — это и успехи учеников, их победы на конкурсе, удачные выступления...

— Вы объездили всю страну, весь мир. И как-то Вы нам рассказывали веселые истории, которые с Вами приключались. Сейчас несколько вспомните?

— Вот так сразу? Было много смешного.

Когда мне было 23 года, мне предложили заменить Давида Федоровича Ойстраха в Тройном концерте Бетховена. Понимаете, насколько это ответственно? Профессор Серебряков заменил Оборина. И был только один из этого могучего трио, Кнушевицкий. Мы поехали в Финляндию. Прилетаем в Хельсинки — нас никто не встречает (знакомая картина!). Наши представители «Аэрофлота», который пообещал все выяснить. Он звонит в советское посольство и говорит: «Товарищ Воронин, здравствуйте. Это говорит Сорока из «Аэрофлота». Вот тут Грач прилетел». Потом пауза. — «И с ним Мышевицкий». А рядом стоял Серебряков, который говорил, карта: «И профессор Серебряков, и профессор Серебряков».

Лет 50 назад наш консерваторский оркестр выступал на фестивале в Берлине, я был концертмейстером. На торжественном концерте нашей делегации великая Майя Плисецкая танцевала «Лебедя». И она попросила меня сыграть. Я встал рядом с роялем, за сценой, там темно. На репетиции известный режиссер Туманов, ставивший все гала-концерты, сидел в зале. Я играл, Майя танцевала. Может, освещителю понравился звук моей скрипки, и он пустил на меня луч прожектора. И вдруг из зала раздался дикий бас режиссера: «Свет на лебедя, а не на Грача!».

У нас было трио: я, Евгений Малинин и Наталья Шаховская, мы играли вместе более 25 лет. Гастролириум в Томске. Перед ответственным симфоническим концертом нас просят выступить на телевидении. Мы в прямом эфире играем минут 20-30 и — быстро на концерт. Уходим. За мной кто-то бежит и кричит: «Распишитесь в ведомости!». Я говорю: «Какая ведомость? Она в филармонии». — «Это для телевидения нужно, для отчета, что у нас было трио». — «Давайте. Все должны расписаться?» — «Все». Мне протягивают листок с цифрами: 1, 2, 3. Там, где № 2 и 3 — пусто, а там, где 1 — написано: «Гусь». Вот все, что они запомнили из нашего ансамбля.

— Расскажите о своих друзьях.

— Это очень трудный вопрос, потому что, к сожалению, не все остаются друзьями на всю жизнь. Если обнять большой период жизни, то сейчас, в первую очередь, я бы назвал Евгения Эпштейна. Мы с ним учились вместе в ЦМШ, много играли, гастролировали. Не хочется никого забыть или обидеть. У меня много друзей, которых я люблю, которых я верю. Назову Екатерину Франгулову, Андрея Эшпая, Геннадия Черкасова и других. Но не могу не сказать, что бывают большие разочарования в друзьях...

За последние десять лет моя жизнь стала гораздо богаче и разнообразнее. У меня появился оркестр, появились замечательные ученики. Мой класс, как мне недавно сказала легендарная скрипачка Ида Гендель, стал «одним из лучших в мире». Это все большая радость. Но должен сказать, что очень во многом в своей жизни я обязан моей дорогой, любимой жене Валечке, Валентине Василенко.

Беседу вела Катерина ЗАМОТОРИНА